

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-12

Н.Л. БЛИЦ,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
Белорусского государственного университета (г. Минск)*

ОБРАЗ СОЛЖЕНИЦЫНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

В статье исследуется рецепция Солженицына в художественном и публицистическом дискурсе рубежа XX–XXI вв., который представлен произведениями М. Шишкина, Л. Улицкой, В. Сорокина, Саши Соколова, В. Войновича, С. Довлатова, З. Зиника, А. Синявского, Т. Кибирова, Б. Кенжеева, Я. Сатуновского, М. Палей, И. Яркевича и др. В их текстах отражены и по-разному переосмыслены устойчивые компоненты жизнетворческого облика писателя: лагерное прошлое, успех первой публикации, всемирная известность, преследование режимом и одиночное ему противостояние, изгнание, пророческий статус, триумфальное возвращение. Многие узоры литературной судьбы писателя перекликаются с жизнетворческими полотнами русских классиков – Достоевского и Толстого. Это послужило поводом для создания ряда пародийных проекций в постмодернистской литературе конца XX в., а также источником переосмысления значимости фигуры писателя-борца в новейшей литературе XXI в. Противостояние «злым силам» становится неизменной стилиевой приметой писателя. До изгнания он славится жестким неприятием нормативных канонов официального соцреализма, в изгнании – противопоставит демократическим свободам западников. Интересны авторские самономинации в обеих книгах, посвященных периодам этих противостояний, – «теленки» («Бодался теленок с дубом») и «зернышко» («Угодило зернышко промеж двух жерновов»). Эти образы-символы, связанные с народной крестьянской этимологией, органично вписываются в художественно-исторический дискурс писателя и подчеркивают трогательное сочетание поэтического и мужицкого в его характере и стилистике.

Автор приходит к выводу, что в современной геополитической ситуации литература может породить свой лидерский статус, если появятся писатели, которые смогут облачить в набоковские изысканные формы словесного выражения – правдолюбие, пафос и праведный гнев Солженицына.

Ключевые слова: литературный артефакт, жизнетворчество, мифогенность биографического текста, стилиевое и идейное противостояние, художественный синтез.

У статті досліджується рецепція Солженіцина у художньому та публіцистичному дискурсі межі XX–XXI ст., що представлений творами М. Шишкіна, Л. Улицької, В. Сорокіна, Саши Соколова, В. Войновича, С. Довлатова, З. Зініка, А. Синявського, Т. Кібірова, Б. Кенжеева, Я. Сатуновського, М. Палей, І. Яркевича та ін. В їх текстах відображені та по-різному переосмислені стійкі компоненти життєтворчого образу письменника: табірне минуле, успіх першої публікації, всесвітня популярність, переслідування режимом та протистояння йому самотужки, вигнання, пророцький статус, тріумфальне повернення. Численні візерунки літературної долі письменника перегукуються з життєтворчими полотнами російських класиків – Достоевського та Толстого. Це стало приводом для створення низки пародійних проекцій у постмодерністській літературі кінця XX ст., а також джерелом переосмислення значущості постаті письменника-борця у новітній літературі XXI ст. Протистояння «злим силам» стає незмінною стильовою прикметою письменника. До вигнання він славиться жорстким неприйняттям нормативних канонів офіційного соцреалізму, у вигнанні – протистоїть демократичним свободам західників. Цікаві авторські самономінації в обох книгах, присвячених періодам цих протисто-

янь, – «теля» («Бодалося теля з дубом») та «зернятко» («Угодило зернятко проміж двох жорен»). Ці образи-символи, пов'язані з народною селянською етимологією, органічно вписуються в художньо-історичний дискурс письменника і підкреслюють зворушливе сполучення поетичного та мужицького у його характері та стилістиці.

Автор доходить висновку про те, що у сучасній геополітичній ситуації література може відродити свій лідерський статус, якщо з'являться письменники, які зможуть облачити у набоковські витончені форми словесного вираження – правдолюбство, пафос та праведний гнів Солженицина.

Ключові слова: літературний артефакт, життєтворчість, міфогенність біографічного тексту, стильове та ідейне протистояння, художній синтез.

Своеобразный «музей» артефактов русской литературы XIX в. обнаруживается в прозе современного писателя М. Шишкина: помимо шинели, в нем есть и тяжелая трость с цилиндром, и гусарский ментик, и охотничьи сапоги с ружьем, пенсне и медицинский саквояж. Литература XX в. представлена лишь двумя предметами. Это сачок для ловли бабочек, оставшийся висеть в швейцарских горах, да ветхая шапка-ушанка. Совершенно очевидно, что столь противоречивые предметы символизируют В.В. Набокова и А.И. Солженицына.

С 1974 г. Солженицын жил в Цюрихе, всего в 210 километрах от Монтре, но классики из-за «формальных условностей» так и не встречаются: «Они списались, договорились о встрече. Набоков записал в дневнике: “6 октября, 11.00 Солженицын с женой”. Очевидно, Солженицын ждал ответного подтверждения. Он приехал со своей Натальей в Монтре, подошел к отелю, но решил ехать дальше, думая, что Набоков болен или по какой-то причине не хочет их видеть. В это время Набоковы просидели целый час в ожидании гостей – был заказан в ресторане ланч – не понимая, почему тех нет. Больше они так и не встретились» [1]. Л. Улицкая в эссе «Перечитывая “Дар” Владимира Набокова» также сожалеет о несостоявшейся встрече двух классиков и напоминает о том, что именно Солженицын рекомендовал Набокова в 1972 г. к номинации на Нобелевскую премию.

При всей противоположности эстетических позиции Солженицына и Набокова, в мемуарном дискурсе они оба запечатлены тотально одинокими изгнанниками, по-королевски неприступными, избегающими контактов – один в Монтре, а другой – в Вермонте. Оба стали частыми персонажами в художественных произведениях писателей последующих поколений.

А.И. Солженицын был канонизирован при жизни. Ян Сатуновский в иронической миниатюре зафиксировал наступление «эпохи Солженицына» в 1970-е гг.:

Одни говорят:
в эпоху Солженицына
антисемитам нет числа.
Другие говорят:
в эпоху Солженицына
антисемитам грош цена.
Не знаю, кто прав, кто виноват
в эпоху Солженицына [2, с. 113].

Сюжет романа Владимира Сорокина «Тридцатая любовь Марины» разворачивается в конце 1970-х гг., которые запомнились повествователю «чудовищным количеством подпольных художников, поэтов, писателей, одержимых идеей эмиграции» [3, с. 70]. Главная героиня тайно влюблена в писателя (в нем угадывается Солженицын) и оказывается в компании молодых сторонников диссидентов. В руках героини – диссидентская кружка-символ: «И пили многие наверно из этой глиняной “гостевой” кружки – грубой, серовато-коричневой, поблескивающей глазурью... Марина снова отхлебнула, разглядывая в чае свое отражение. Этого края с небольшой извилистой трещинкой касались губы Сахарова, Орлова, Якунина, Щаранского, Даниэля, Синявского, Владимова, Буковского, Копелева, Роя и Жореса Медведевых...» [3, с. 35]. А далее прописными буквами подчеркивается обожествление кумира: «И ОН тоже касался этого края. Марина вздрогнула, провела языком по трещинке. Вот здесь были ЕГО твердо сжатые губы...» [3, с. 35].

В биографии Солженицына просвечиваются жизнетворческие узоры писателей-классиков, в частности Достоевского: триумфальное вхождение в литературу первой публикацией, превращение лагерного опыта в художественный текст. Литературная репутация Достоевского-пророка по инерции закрепилась и за Солженицыным. Мотив контаминации классиков прозвучал в рассказе С. Довлатова «Поплиновая рубашка» (сб. «Чемодан»). Героиня рассказа – учительница, принудительно помогавшая в проведении выборов. В квартире рассказчика она видит портрет Достоевского, но приняв его за Солженицына, доверительно произносит опасную в тоталитарном государстве фразу о том, что «выборы – сплошная профанация» [4, с. 435]. В Войнович в книге «Портрет на фоне мифа» вспоминал, что фотографии Солженицына украшали квартиры многих московских интеллигентов: «Солженицын был очень опальный, поэтому каждый держатель портрета не только выражал свое восхищение им, но и сам как бы демонстрировал приобщение к подвигу» [5, с. 12].

Взаимозаменяемость классиков в массовом сознании подчеркивает и Зиновий Зиник в книге «Перемещенное лицо». Героиня – скандальная кинозвезда – рассказывает о своем искусстве пиара: «... Вчера меня спросили: кто написал “Преступление и наказание”? Я взяла и ответила: “Преступление и наказание” написал Наполеон. Или Мао-цзе-дун”. И газеты тут же раструбили мой безграмотный ответ. А если б я ответила правильно, то есть, что “Преступление и наказание” написал Солженицын – меня бы никто и слушать не стал» [6, с. 108–109].

Сам писатель задает такую модель литературного поведения – те жизнетворческие узлы¹, которые направлены на социальный протест и борьбу. Противостояние писателя социуму иллюстрируют заголовки статей из советских газет: «Позорная судьба предателя», «Злобный лжец», «Литературный власовец», «Отщепенцу презрение народа», «Позор новоявленному Иудушке». Тимур Кибиров в поэме «Солнцедар» иронично зафиксировал этот процесс журналистского бичевания: «Лит. газета клеймит Солженицына, <...> впрочем, стрелочник пойман уже» [7]. Семитизируя окончание фамилии, Кибиров отразил еще и тенденцию к различным звуковым играм. Ремонт Приборов (авторская маска Б. Кенжеева) – как неисправимый графоман обличает диссидентов, подражая стилю советских газет:

Хочу коснуться вопроса о так называемых литераторах,
Вроде Солженицына, известного всем,
А если точнее – о гадах и плагиаторах,
Спекулирующих на поднятии антисоветских тем [8].

Современники по-разному реагировали на ратоборческую позицию Солженицына. Например, Игорь Яркевич в рассказе «Солженицын, или Голос из подполья» «мечтает» о перевоплощении в писателя: «Был бы я Солж, дружил бы я с Бёллем и мы бы с ним презрительно морщились при аббревиатуре КГБ, ненавидели бы тоталитаризм в любом его проявлении, даже в латентном. Тысячи диссидентов – а каждый из них неоднозначен – искали бы в моих книгах Путь и каждый день, по многу раз напиваясь, называли бы меня Лев Толстой нашей эпохи» [9]. Яркевич «обрезает» фамилию классика, подчеркивая тем самым мотив двойничества, обусловленный самой корневой семантикой.

Вспомним, что слова Солженицына – «жить не по лжи» символизировали целую эпохи в сознании советской интеллигенции. Мария Шнеерсон в документально-художественной книге «Александр Солженицын. Очерки творчества» сравнивает «огнеопальный дух» писателя с протопопом Аввакумом: «Человеческий облик Солженицына – писателя, мыслителя, ратоборца, его своеобразный новаторский стиль, даже самый жанр его книги “Бодался теленок с дубом” – все чудесным образом перекликается с “Житием протопопы Аввакума, им самим написанным”» [10, с. 31].

¹ Вспомним, что с самого начала в художественном и публицистическом дискурсе Солженицына и о Солженицыне были отражены устойчивые компоненты его жизнетворческого облика: фронтовое прошлое, арест из-за люстрации переписки, лагерь как изнанка советской жизни, смертельная болезнь и чудесное исцеление, триумфальная первая публикация («Новый мир», 1962, № 11) и последующая всемирная известность, изгнание из союза писателей в 1969, Нобелевская премия по литературе (1970), бунт против советской тоталитарной системы, преследование КГБ, публикация на Западе «Архипелага Гулага», лишение гражданства «за измену Родине» высылка из СССР (1974)... и т.д.

Противостояние «злым силам» становится неизменной стилиевой приметой писателя. До изгнания он славится жестким неприятием нормативных канонов официального соц-реализма, в изгнании – противостоит демократическим свободам западников. Интересны авторские самономинации в обеих книгах, посвященных периодам этих противостояний, – «теленки» («Бодался теленок с дубом») и «зернышко» («Угодило зернышко промеж двух жерновов»). Эти образы-символы, связанные с народной крестьянской этимологией, органично вписываются в художественно-исторический дискурс писателя и подчеркивают трогательное сочетание поэтического и мужицкого в его характере и стилистике.

Аттестация первого рассказа Солженицына устами Анны Берзер и Льва Копелева – «лагерь глазами мужика» – во многом объясняет триумфальное вхождение «Одного дня Ивана Денисовича» в литературу. Да и сам Солженицын признавался об остром желании отстоять «мужицкую суть», предчувствуя ее «этическую силу». Писатель был уверен, что «к этому мужику Ивану Денисовичу не могут остаться равнодушны верхний мужик Александр Твардовский и верховой мужик Никита Хрущёв» [11, с. 42]. Солженицын осознавал и свою схожесть с Твардовским, подчеркивая его «обречённость на одинокое стоянье», обусловленную как масштабом личности, так и тем, что «из мужичества он пришел» [11, с. 43].

В романе Саши Соколова «Палисандрия» в одной из сцен с участием «верховного мужика» Хрущева подпольно присутствует Солженицын. Хрущев, сидя в кафешантан, рассматривает сплошь иссеченную поверхность стола и догадывается, что это бывшая плаха. В нарочито метафорическом рассказе официанта сплетаются символика иконы и плахи, мотивы поисков духовных истоков и праведного пути, а наш герой сначала «скрывается» под фамилией писателя-деревенщика Солоухина. Возможно, Соколов иронизирует по поводу одной единственной тайной (но быстро ставшей известной КГБ) встречи Солженицына и Солоухина в марте 1984 г. в вермонтском имении писателя. О ней упоминается в книге «Угодило зернышко...». Прежде, чем назвать фамилию автора, Саша Соколов перебирает основные жизнетворческие приметы: он «нашумел своими речами и манифестами», он «горяч» и «задирист», «не лишен был известной публицистической жилки», был удален «в послание» за «антиправительственные дерзости» [12, с. 92]. В «Послании» же «его знали под несколько видоизмененной фамилией – Солженицын» [12, с. 93]. В памяти соколовского героя Палисандра всплывает образ одинокого путешественника с «раскольничьей бородкой».

Кстати, восприятие Солженицына многими литераторами на Западе преимущественно как бойца и борца (в политическом и социальном контексте) вначале его очень расстраивало. Однако в очерках изгнания признается, что не жалеет о своих публицистических «драках»: «Эта деятельность была, да, ошибочна, но я не жалею о ней: “душа требовала” *врезать* сперва коммунистам, потом западным радикалам, потом “плюралистам”, и я не мог иначе» [13]. Здесь ключевое слово «врезать». И как оно точно передает специфику народно-романтической аргументации.

Художественно-полемические дискурсы, разворачивающиеся вокруг художественно-документальных книг Солженицына, становятся своеобразными формами проявления мифогенности его жизнетворческих стратегий. Книга Солженицына «В круге первом» вызвала творческий ответ у Дмитрия Панина (он послужил прототипом образа Сологдина «В круге первом»), который издает книги «Записки Сологдина» (Франкфурт/М. 1973) и «Солженицын и действительность» (Париж, 1975), где рассказывает свою правду о «шарашке». Как реакция на книгу «В круге первом» появилась художественно-документальная книга Льва Копелева «Утоли моя печали» («Ардис», 1981). Лев Копелев – прототип солженицыновского Льва Рубина – живописует «шарашку» по-своему: один из главных героев – Саша Солже-

² В интервью Джону Гледу, опубликованном в журнале «Время и мы» в 1986 г., Максимов говорил: «Солженицын – хотим мы того или не хотим – является сейчас персонификацией русской литературы. Люблю я его или нет, я буду начинать свое выступление с него и им кончать. Когда я говорю – Солженицын, я имею в виду все явление неконформистской русской литературы, которую он начал. История сошлась вокруг него, и мы его обязаны поддерживать. Потому что, если мы будем пытаться его компрометировать, пытаться его унижить, мы, говоря просто, будем рубить сук, на котором сидим».

ницын изображен грозным, вечно бунтующим гневным правдоискателем, считающим, что «язык Толстого устарел».

Для консервативного литературного мира в 1980-е гг. Солженицын стал персонификацией русской литературы² и России. Левый блок (А. Синявский и редакция журнала «Синтаксис») упрекал Солженицына за то, что тот «монополизировал истину, и любовь к России монополизировал» [14, с. 159]. Отвечая Солженицыну на критику «Прогулок с Пушкиным», Синявский указывает классику на его стиливую глухоту, отсутствие чувства иронии, приводит примеры неудачных простонародных выражений и подшучивает над «эротическими сценами в древнерусском духе» [15, с. 192]. (Сергей Довлатов в повести «Иностранка» не без иронии вводит в книгу микросюжет о том, как один из героев «тайно ездил к Солженицыну», чтобы узнать: «...что Исаич думает о сексе? Получил ответ, что “все сие есть блажь заморская, антихристова лжа...”» [16, с. 295]). Синявский последовательно проводит мысль о «примитивных вкусах» Солженицына. Изящные стилистические средства и сложные формы отстранения Солженицын, по мнению Синявского, «не понимает», потому что «ему подавай другое, положительный герой, воспитательные задачи, отображение действительности, партийность...» [15, с. 195].

В романе-антиутопии Владимира Войновича «Москва 2042» в пародийном образе Сим Симыча Карнавалова синтезированы многие мифологемы биографического текста Солженицына. Сим Симыч Карнавалов живет в имении «Отрадное» (отсылка к «Войне и миру»), скрытом от людских глаз, где ежедневно проводит репетиции возвращения в Россию. Особенно утрированы в образе Карнавалова повадки бывшего эзика и бытовой аскетизм, неутолимая жажда стать пророком и вождизм. В книгу включено «Лирическое отступление о бороде», где герой Войновича проводит социологическое наблюдение о связи лидерских качеств с ношением бороды: «Я думаю, что марксизм никогда бы не мог покорить массы, если бы Маркс в свое время был побрит хотя бы насильно. Ленин, Кастро, Хомейни не смогли бы произвести революции, будучи бритыми, <...> ни одному безбородому еще не удалось прослыть пророком» [16, с. 322].

Марина Палей в романе-памфлете «Жора Жирняго» (2006) также развивает мотив связи лидерских качеств и бороды: «То, что Садам Хусейн ликом своим схож с Марксом, – общее место. Но недавно я заметил, как разительно похож Хусейн на Солженицына. И это при том, что каждый из данной троицы – двойник Фиделя Кастро и Салтыкова-Щедрина» [17].

Спустя почти 20 лет после выхода романа «Москва 2042» В. Войнович опять обращается к образу Солженицына в книге «Портрет на фоне мифа». Здесь уже отчетливо проступают невротические мотивы, породившие острый приступ творческой зависти. Эмоциональны воспоминания о том, как вдохновенно «с белорусским акцентом» читал Твардовский плотную машинопись первого текста Солженицына, замечено, что на встречу в Дом учителя Солженицын был «привезен и отправлен обратно на машине Твардовского», а «сам Твардовский добрался на такси» [5, с. 23]. По мнению Войновича, Твардовский вел себя как «деревенский отец, воспитавший далеко пошедшего сына» [5, с. 24].

Теперь вернемся шишкинским к артефактам – к сачку для ловли бабочек и шапке-ушанке, к истории не встречи в Швейцарии двух великих писателей XX в. Все это может прочитываться как пожелание новой русской литературе облачить в набоковские изящные формы словесного выражения правдолюбие, пафос и праведный гнев Солженицына.

Список использованных источников

1. Шишкин М. Клякса Набокова / М. Шишкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/znamia/2015/4/3sh.html> (последнее обращение 01.04.2019).
2. Сатуновский Я. «Одни говорят: В эпоху Солженицына...» / Я. Сатуновский // Октябрь. – 1991. – № 7. – С. 113–123.
3. Сорокин В.Г. Тридцатая любовь Марины / В.Г. Сорокин. – М.: Corpus (АСТ), 1984. – 448 с.
4. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов. – СПб.: Азбукаклассика, 2006. – Т 3. – 157 с.
5. Войнович В. Портрет на фоне мифа / В. Войнович. – М.: Эксмо, 2002. – 78 с.

6. Зиник З. Перемещенное лицо. Роман / З. Зинник. – New-York: Russica Publishers, 1985. – 242 с.
7. Кибиров Т. Солнцедар / Т. Кибиров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya#sol> (последнее обращение 01.04.2019).
8. Приборов Р. Гражданская лирика / Р. Приборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bakhyt.narod.ru/Remont_2003.htm (последнее обращение 01.04.2019).
9. Яркевич И. Солженицын, или Голос из подполья / И. Яркевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yarkevich.livejournal.com /14739.html> (последнее обращение 01.04.2019).
10. Шнеерсон М. Александр Солженицын: Очерки творчества / М. Шнеерсон. – Frankfurt a/M.: Посев, 1984. – 297 с.
11. Солженицын А. «Бодался телёнок с дубом»: Очерки литературной жизни / А. Солженицын. – Париж, Умса-Press, 1975. – 629 с.
12. Соколов Саша. Палисандрия: Роман. Эссе. Выступления / Саша Соколов. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 432 с.
13. Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания / А. Солженицын // Новый Мир. – 2000. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/12/solge.html (последнее обращение 01.04.2019).
14. Синявский А. Открытое письмо А. Солженицыну / А. Синявский // Синтаксис. – 1991. – № 31. – С. 159–162.
15. Синявский А. Чтение в сердцах / А. Синявский // Синтаксис. – 1987. – № 17. – С. 191–205.
16. Войнович В. Москва 2042 / В. Войнович. – СПб.: Вита Нова, 2016. – 464 с.
17. Палей М. Жора Жирняго / М. Палей // Урал. – 2007. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/ural/2007 /2/pa4.html> (последнее обращение 01.04.2019).